

Вторая поездка Достоевского в Кузнецк завершилась полным успехом. Офицерский мундир, возникшая уверенность в завтрашнем дне, а еще более — любовь и преданность, не раз доказанные им на протяжении двух с лишним лет, сделали свое дело — М. Д. Исаева дала согласие на брак.

27 января 1857 г., застав 600 рублей у Ковригина (и еще кое у кого), Достоевский выехал из Семипалатинска в Кузнецк — на свадьбу. По дороге остановился ненадолго в Барнауле у Семёнова, чтобы сделать необходимые покупки. «По несколько часов в день, — вспоминает Семёнов-Тян-Шанский, — мы проводили время в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще не оконченных „Записок из Мертвого дома“, дополняемых устными рассказами. Понятно, какое сильное, потрясающее впечатление производило на меня это чтение...»²⁴

В мемуарах Семёнова-Тян-Шанского есть одна неточность. Он пишет, что Достоевский по дороге в Кузнецк прожил у него недели две в приготовлениях к свадьбе и на обратном пути — еще две недели, итого — месяц. Между тем из писем Достоевского известно, что он выехал из Семипалатинска не раньше 27 января, а вернулся 20 февраля, т. е. через три недели с небольшим (см.: П., I, 241 и 243). За это время проехал (на лошадях!) по зимним дорогам 1500 верст и около недели, видимо, провел в Кузнецке. Стало быть, на долю Барнаула остается не более 7—8 дней.

Из этого времени четыре дня на обратном пути провел в Барнауле не по своей воле. «В Барнауле со мной случился припадок, — писал он Врангелю, — и я лишним четыре дня прожил в этом месте (просрочил отпуск. — В. Г.). Припадок мой сокрушил меня телесно и духовно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия и предсказал, что если я не приму надлежащих мер <...> то в один из них задохнусь от горловой спазмы...» (П., I, 245). Так печально закончилось третье и последнее посещение Достоевским Барнаула.

И все же Алтай, думается, оставил добрую память в сердце писателя. В его письме Врангелю, написанном в сентябре 1859 г., уже из Твери, есть такие строчки: «Присягайте же. Поговорим <...> об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я поканул ее <...> о мильейших Змеиногорске и Барнауле, где я после Вас бывал довольно часто... ну да обо всем!» (П., I, 253).

Судьбе не угодно было сделать Достоевского хотя бы на некоторое время барнаульцем. К лучшему это или к худшему — кто знает... хотя для нас, понятно, это навсегда стало бы предметом особой гордости. Мы бережно храним в памяти все, что связано с кратковременным пребыванием великого писателя в нашем городе.

Имя Достоевского ныне носит одна из улиц Барнаула.

²⁴ Там же, с. 127.

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «НЕКРАСОВ И ДОСТОЕВСКИЙ»

(40—60-е годы)

Тема «Некрасов о Достоевском» не раз освещалась в работах исследователей творчества и Достоевского и Некрасова — К. И. Чуковского, Л. П. Гроссмана, В. Е. Евгеньева-Максимова, А. Н. Лурье, М. М. Гина, В. А. Тупицанова, Ф. И. Евнина и др.

Задача нашего сообщения — не останавливаясь на известном, поделиться некоторыми частными наблюдениями, имеющими прямое отношение к теме.

В пятом номере «Отечественных записок» за 1846 г. была напечатана (как почти всегда без подписи) рецензия на третий выпуск альманаха «Новоселье». В течение многих лет она приписывалась Тургеневу и печаталась в собраниях его сочинений. Сравнительно недавно В. Э. Боградом был найден и опубликован документ, не оставляющий сомнений в том, что рецензия эта принадлежит молодому Некрасову,¹ что позволило ввести ее в собрания сочинений писателя.²

Однако, как мне уже приходилось отмечать, комментаторы собраний сочинений Тургенева и Некрасова не обращали внимания на суждение в этой рецензии, имеющее несомненно в виду Достоевского и его «Бедных людей», хотя ни сам писатель, ни его роман здесь прямо не названы.³ Отзыв этот учтен, конечно, в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, но как анонимный, а не некрасовский (I, 471).

Начав отзыв о вошедшей в этот альманах повести Н. В. Кукольника «Старый хлам» самой общей оценкой — «Необходимо, хотя и выйдет плохой каламбур, сказать, что повесть вполне соответствует своему названию», — Некрасов подробно останавливается на ее содержании. Пересказывая повесть Кукольника так, что пересказ превращается по сути дела в пародию на нее, он замечает, в частности: «Ни тепл melodрамы! Естественно, оригинально, поразительно ново!.. И после этого, есть люди, которые осмеливаются тоже писать романы и даже несколько не стараются в них подражать г. Кукольнику, а идут своей дорогой, по-своему естественность, оригинальность, художественность... Чудаки! Подаром „Иллюстрация“ удивляется их дерзости... Еще бы не удивляться! <...> Бедные, они потчуют публику все одним супом — вначале суп, в середине суп, под конец суп... у них нет и настолько смысла, чтоб понять, что одноушанье иррестно; — только г. Кукольник попил тайну романа и

¹ См.: Некрасовский сборник. М.; Л., 1956, т. 2, с. 412—413.

² См.: Некрасов П. А. Собр. соч. М., 1967, т. 7, с. 119—136.

³ См. мою заметку «„Бедные люди“ или „Северная пчела“?» (Неделя, 1971, 6—12 дек., № 50, с. 9).

очень хорошо знает, что если сначала хорошо суп, так за ним всего лучше соус, а там жаркое, и так далее, и что в промежутках не худо чего-нибудь шпучего, трескучего — вот тогда и выйдет роман хоть куда...»⁴

В приведенном отрывке Некрасов бесспорно имеет в виду отзыв «Кукольника?» о «Бедных людях» в рецензии на «Петербургский сборник», появившийся еще в конце января в «Иллюстрации». Рецензию эту Достоевский сразу же в письме к брату квалифицировал как «ругательство» (П., I, 86; см. также: I, 471). Рецензент «Иллюстрации» Кукольник писал здесь, в частности, о «Бедных людях» как о «романчике», который не имеет «никакой формы и весь основан на подробностях утомительных и однообразных... подробности в романе похожи на обед, в котором вместо супа сахарный горошек, вместо говядины, соуса, жаркого и десерта — сахарный горошек».⁵ Именно этотopus автора «Старого хлама» и высмеивает, в частности, Некрасов в своей рецензии на «Новоселье».

Отзыв этот, как и вся рецензия Некрасова, — подтверждение того, что «Бедные люди», занимавшие в «Петербургском сборнике» по своему художественному и общественному значению центральное место, были восприняты как произведение, программное для «натуральной школы». Поэтому в разгерметизировавшейся сразу же после выхода «Петербургского сборника» полемике вокруг «Бедных людей» дело шло не только об оценке романа Достоевского, но и об отношении к «натуральной школе» (см.: I, 471).

Начатавшая в мае рецензия на «Новоселье» также отнюдь не рядовой отзыв об издании, не представляющем интереса в литературном отношении, как пишет комментатор Некрасова.⁶ Воспользовавшись тем, что в «Новоселье» были напечатаны повесть Кукольника, «Три искупения» Бепедиктова, статья-воспоминание Булгарина, молодой Некрасов дает бой вообще «старой риторической школе» с ее подменяющими живую жизнь трескучими эффектами, и прежде всего авторам направленных против «натуральной школы» рецензий на «Петербургский сборник».⁷ Именно поэтому высмеивает он и отзыв Кукольника о «Петербургском сборнике», подчеркивая в выделенном мной тексте естественность, оригинальность, художественность «Бедных людей» — произведения, по словам Некрасова, «чрезвычайно замечательного», которое именно он представил на суд Белинского.⁸

О том, как молодой Некрасов с Григоровичем, взволнованные,

⁴ Некрасов Н. А. Собр. соч., т. 7, с. 122—123, 125 (курсив наш. — М. Б.).

⁵ Иллюстрация, 1846, 26 янв., № 59.

⁶ Некрасов Н. А. Собр. соч., т. 7, с. 450—451.

⁷ Там же, с. 136.

⁸ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, М., 1952, т. 10, с. 43.

Далее ссылки на это издание даются в тексте: римские цифры — том, арабские — страницы.

читали всю ночь эту рукопись — доброты никому не известного автора, — позднее всломивали и сам Достоевский, и Григорович. Рассказал об этом и Некрасов в дошедших до нас фрагментах своей повести, известной под условным, не авторским, но ставшим уже традиционным названием «Как я велик! или Каменное сердце».

Фрагменты эти не дают достаточных оснований для решения вопроса о том, когда и в связи с чем возник замысел названной повести и была ли она завершена.⁹ Вопросы эти во многом до сих пор «представляют», — как справедливо отмечает Ф. И. Евнин, — историко-литературную загадку.¹⁰ Но едва ли можно согласиться с исследователями, рассматривающими известные нам отрывки произведения Некрасова только как сатирическую повесть, памфлет.¹¹

Сравнение сохранившихся фрагментов повести с воспоминаниями Достоевского и Григоровича показывает, что достоверность рассказа Некрасова об истории литературного дебюта Достоевского — достоверность особого рода. События, послужившие основой для сохранившейся части повести, реальные лица, в них участвовавшие, здесь определенным образом осмыслены. Повествование подчинено замыслу: рассказать о Белинском-человеке и литературном деятеле, его роли в судьбе некоторых его современников, начинающих талантливых писателей, и прежде всего в судьбе молодого Достоевского, даже напомнить об этом, может быть, и самому Достоевскому (если предположить, что повесть создавалась после 1863 г., когда у Некрасова могли возникнуть сомнения в том, помнит ли это сам писатель).¹²

Несмотря на то что рукопись черновая (одни и те же герои повести выведены в разных местах ее даже под разными фамилиями: очевидно, что Мерцалов и Волгутич — это одно лицо, Белинский; Чудов и Тростников — Некрасов и т. д.), на сохранившихся страницах воссозданы живые, психологически достоверные

⁹ Подробно о существующих в литературе данных см. в комментариях А. Н. Лурье к тексту повести (VI, 523—580).

¹⁰ Рус. лит., 1971, № 3, с. 30.

¹¹ Есть на страницах этой повести и подлинно сатирическое освещение изображаемых лиц и событий. Так, в воссозданных здесь образах друзей и литературных сочувственников Мерцалова—Волгутича нельзя не угадать, что известно, некоторые черты реальных лиц; однако сила сатирического обобщения в этом собирательном образе литераторов-дилетантов, мелкой околотературной среды такова, что он не утратил интереса и в наши дни (см. об этом: Чудовский К. Шлеяда Белинского и Достоевский. — В кн.: Некрасов Н. «Товарищ человек» и другие неизданные произведения. М., 1928, с. 189—230; Гил М. Достоевский и Некрасов: Двумировосприятие. — Север, 1971, № 41, с. 108).

¹² В сохранившихся отрывках почти текстуальное совпадение с высказываниями Белинского о Достоевском (ср.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 9, с. 476, 493, 549—555. — Здесь и перекличка с отзывом Некрасова о «Бедных людях» в рецензии на «Новоселье»).

образы Белинского и молодого Достоевского, хотя, конечно, нельзя не почувствовать прощия Некрасова по отношению к болезненной мнительности, болезненному самолюбию Глазиевского (Достоевского), по отношению даже к его внешности.¹³

В дальнейшем, как известно, отношение Некрасова к творчеству Достоевского было далеко не однозначным. Определившееся вскоре расхождение между Достоевским и кругом «Современника» («Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди», — писал впоследствии Достоевский, — 26, 112) воспринималось настолько остро, что даже в 1849 г. поэт печатно (правда, в коллективном фельетоне в № 9 «Современника») причисляет себя к «небольшим охотникам» до «так называемых психологических повестей г-на Ф. Достоевского» (XII, 260).

Интересно в этой связи не привлекавшее внимания исследователей Достоевского свидетельство Добролюбова (более позднее) в статье «Забитые люди», опирающееся, несомненно, на воспоминания: «В половине 1849 года литературная деятельность его (Достоевского. — М. Б.) прекратилась, и литература не выразила при этом особенных сожалений. Если в течение десятилетнего молчания г. Достоевского иногда и вспоминали о нем, то разве затем, чтобы посмеяться над собственным протодушием, с которым производили его в гонимы за первую повесть, и о непомерном самолюбии, до которого довело его общееноклопенце».¹⁴

Позднее, через десять лет, Некрасов, уже зрелый художник и опытный редактор, ценя талант Достоевского, стремясь поддержать его в ссылке, выражает желание напечатать в «Современнике» предложенную через брата Достоевского, но неизвестную повесть его. 26 августа 1859 г. он пишет М. М. Достоевскому: «Я всегда уважал и никогда не переставал любить Вашего брата — печатать его произведения в моем журнале мне будет особенно приятно. Уверен, что в условиях мы сойдемся легко» (X, 405—406).

Известно, что, получив для ознакомления «Село Степанчиково», Некрасов больше чем через месяц предложил условия, на которые Достоевский не согласился, посчитав их «торгашеством» редакции (см.: X, 407—408, где письмо воспроизводится по копии М. М. Достоевского — автограф его неизвестен, и II, II, 603). Но, думается, письма Некрасова, его тон и содержание не дают для этого основания. И уж совсем никаких оснований нет для того, чтобы, приведя свидетельство И. Ковалевского о том, что Некрасов, прочитав «Село Степанчиково», будто бы «произнес <...> приговор: „Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего

больше»»,¹⁵ писать, что такое «отношение Некрасова не было исключением» (3, 505).

Однако читая «Село Степанчиково» Некрасов долго. Извиняясь перед Достоевским, он сообщал брату писателя в письме от 6 октября, что «долго медлил ответом» потому, что «еще давал его читать одному из ближайших сотрудников „Современника“» (X, 408). Сотрудником этим был, вероятно, Добролюбов, с которым Некрасов к этому времени очень сблизился. С августа 1858 по начало лета 1859 г. он, как известно, жил в одной квартире с Некрасовым и, по свидетельству Чернышевского, «проводил в комнатах Некрасова очень много времени <...> Тут они вместе читали рукописи, просматривали корректуры, говорили о делах журнала».¹⁶

За три месяца до того как Некрасов получил «Село Степанчиково», Добролюбов из-за перестройки дома вынужден был переехать на другую квартиру. О том, в каком тесном контакте продолжали они работать, свидетельствует хотя бы приписка Некрасова карандашом на письме Плещеева к Добролюбову: «сообщение, что статью Пынина отдал в типографию, просьба «исправить» «глупую враля Данилевского», и т. д. (X, 406). Все это касается № 10 1859 г. и написано, по-видимому, в двадцатых числах сентября.

Вспомнил первые шаги Достоевского в литературе, Добролюбов замечал, что два года тому назад писателю пришлось чуть ли не заново завоевывать читательские симпатии: «... имя его было уже слишком бледно пред новыми светилами, загоревшимися на горизонте русской словесности в последнее десятилетие, имея в виду Л. Толстого, Островского, Гончарова, Тургенева».¹⁷

К моменту же написания статьи были опубликованы уже «Униженные и оскорбленные», которыми, как «лучшему литературному явлению года 1861-го» и посвящена собственно статья «Забитые люди», высоко оценивая талант Достоевского, его «гуманистическое направление».¹⁸ Известно, что именно в это время возобновляются и человеческие и литературные контакты между Некрасовым и Достоевским, писателем и редактором «Времени».

Однако в условиях наступившей в конце 1862—начале 1863 г. правительственной реакции, острой общественно-литературной борьбы, в которой и Некрасов, и Достоевский принимали, как известно, активное участие отнюдь не как единомышленники, контакты эти слабее, а затем на длительное время обрываются.

¹³ Его воспоминания в литературе о Некрасове по многом недостоверны: их нет, в частности, в сборнике «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников» (М., 1971). См. об этом также в статье М. Гиня «Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия», с. 110.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 725.

¹⁵ Добролюбов П. А. Собр. соч., т. 7, с. 226.

¹⁶ Там же, с. 228, 244—245.

¹³ Лицо молодого Глазиевского в спокойном состоянии «унаподоблялось сероватой и мягкой осенней туче, готовой ежеминутно разрешиться дождем поносам со снегом и слякотью» (VI, 459). Нет ли в этом описании перекачки с названием второй части «Записок из подполья» Достоевского — «По поводу мокрого снега»?

¹⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1963, т. 7, с. 226.

Возможно, что к Достоевскому относится еще одна резкая и несправедливая (если наше предположение верно), но также объяснимая исторически печатная «реплика» Некрасова в начале 1866 г., в которой имя Достоевского также не названо.

В мартовской книжке журнала за 1866 г., в пору «медленной агонии» «Современника» (XI, 53), поэт и редактор журнала, давно не выступавший на страницах литературно-критических отделов его, берется за перо, чтобы подвести итог «деятельности стихотворствующих россиян» (IX, 433). В этой «легкой» «статейке» (IX, 433, 442), возникшей, надо думать, в поисках наименее уязвимого в цензурном отношении материала и содержащей оцепку вышедших недавно восьми очень разных сборников («Таинственная капля» Ф. Н. Глинка, «Стихотворения» М. А. Дмитриева, «Оттиски» Я. Полоцкого и др.), Некрасов выступает как подлинный мастер литературно-публицистического жанра.

Уничтожающей М. А. Дмитриева издевкой, гневом исполнены реплики, которыми поэт по своему обыкновению сопровождает цитаты из «творений» этого воинствующего реакционера, «обломка прошлого» (не случайно Некрасов пишет здесь и о его темпсраменте), в которых видит «предчувствие приемов самих „Московских ведомостей“» (IX, 434).

Но едва ли самого М. П. Каткова, как считает комментатор этой статьи Некрасова,¹⁹ имеет в виду автор «статейки», когда пишет о М. А. Дмитриеве, как авторе памятного ему еще по 1842 г. насквилю «Безымянному критику», перепечатанному и в издании его 1866 г.: «Он <...> даже на *Белинского* (названного «безымянным критиком») *ополчается не хуже всякого современного писателя, подвизающегося на страницах „Русского вестника“*» (IX, 434; курсив наш. — М. Б.).

Начнем с того, что Катков был не «современным писателем, подвизающимся на страницах „Русского вестника“», а его бесшменным редактором, которого Некрасов в ту пору едва ли и назвал бы «современным писателем». Кроме того, полемические выпады Некрасова, как известно, всегда остро злободневны. Что же было наиболее злободневно в это время для «Современника» на страницах «Русского вестника»?

С января 1866 г. здесь начал печататься роман Достоевского «Преступление и наказание». Уже в январском номере теория, порожденная, по мысли Достоевского, социалистическими идеями и как бы оправдывающая убийство Раскольниковым старухи-процентщицы («... с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, большая старушонка <...> всем вредная <...> С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...»), характеризуется писателем как «самые

¹⁹ См.: Некрасов Н. А. Собр. соч., т. 7, с. 482.

обыкновенные и самые частые <...> молодые разговоры и мысли» (6, 54, 55).

Поэтому сразу же, в февральском номере «Современника», в анонимном обзоре «Журналистика» автор его Г. З. Елисеев пишет, что начало романа Достоевского «таково, что мы не можем его оставить без некоторого напутствия». ²⁰ Напоминная читателям, что «г-н Ф. Достоевский в начале своего литературного коприща, которое относится к сороковым годам, был одним из лучших представителей образовавшейся тогда так называемой *натуральной школы*, что некогда Белинский, рассматривая «Двойника», «находил в этом произведении высокие достоинства, но вместе с тем порицал его длинноту и фантастичность», Елисеев писал: «Что сказал бы Белинский об этой новой фантастичности г-на Достоевского, фантастичности, вследствие которой целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении на убийство с грабежом?» ²¹ А в той же книжке, где была помещена рецензия Некрасова, он же писал: «Какою, например, разумною целью может быть оправдано изображение молодого юноши, студента, в качестве убийцы, мотивирование этих убеждений на целую студенческую корпорацию? Кому оказывается этим услуга, если не обскурантам, которые в разпространении света видят причину всякого зла в мире?» ²²

Не исключено, что на какой-то момент по впечатлению от начала романа «Преступление и наказание» Некрасов, хотя и не называя Достоевского, поспешил назвать «репликой» (в анонимной рецензии) выразить отношение к этой стороне напечатанной части повести романа.

Г. ХЕТСО

АВТОР СТАТЬИ — Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ?

1

Известно, что художественное творчество у Достоевского шло рука об руку с журналистикой. Первая публицистическая статья писателя написана в 1845 г., последняя вышла в свет после его

²⁰ См. об этом: *Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г.* Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 328.

²¹ Современник, 1866, № 2, отд. II, с. 272—273, 277.

²² Там же, № 3, отд. II, с. 39.

¹ Печатаю в настоящем сборнике статью норвежского ученого Г. Хетсо, другой вариант которой уже опубликован на английском языке (Scando-Slavica, Copenhagen, 1980, 26, 49—51; Dostoevsky Studies: J. of the Intern. Dostoevsky Soc., 1980, vol. 1, p. 73—88), редакция считает нужным предупредить читателей, что она лишь частично согласна с выводами автора. Главный недостаток работы Г. Хетсо, с точки зрения редакции, состоит в том, что предложенная им методика атрибуции текстов по лингвостили-